

Я заметила, что чиновники со всех концов страны подносят матери благоприятные знамения, стремясь ей угодить. Понимая, что мать, только начавшая править, нуждается в восхвалениях и расширении круга сторонников, я снова обсудила с Цуй Мин-дэ идею устроить новогоднее представление в первый день года.

В ту эпоху праздники всегда сопровождались песнями, танцами и представлениями, что мало чем отличалось от современных концертов, разве что не было ведущих и общей темы. Поэтому, едва я предложила организовать вечер с определённой идеей, Цуй Мин-дэ кивнула: «Вполне осуществимо». Немного подумав, добавила: «Почему бы не взять темой "Десять тысяч лет императрице"? В первый день года устроим большой пир для всех сановников, с песнями и танцами. Ведущими пусть будут члены императорской фамилии, а помогать им — прислуга. Ведущие должны быть молоды: старшие, пожалуй, не станут участвовать в таком представлении на публике. И статус их не должен быть низким, чтобы не выглядело недостойно и чтобы они могли держать публику в руках».

Я поразмыслила и сразу оценила всю прелесть этой затеи. Новогодний пир для сановников, конечно, оставался мероприятием Внешнего двора, но вместо традиционных пожеланий мира в Поднебесной, благоденствия государства, здоровья императора и долголетия династии весь вечер от начала до конца посвящался лишь матери — и её верховная власть становилась очевидной для всех. А сейчас, когда страна ещё не устоялась, а умы людей тревожны, матери как раз нужна была такая демонстрация силы.

В начале двенадцатого месяца я подала матери официальный доклад с этим предложением, приложив все детали. Цзяофан и Тайчан уже несколько месяцев репетировали новогодние песни и танцы, и к тому времени номера были отточены. Моя идея с тематическим вечером хоть и была новой, по сути состояла из тех же выступлений, лишь с небольшими изменениями в текстах. Поэтому, несмотря на сжатые сроки, подготовиться успевали. Мать, разумеется, пришла в восторг и быстро одобрила предложение, поручив мне и Цуй Мин-дэ полностью заняться организацией. С тех пор мы загрузились по уши. Цуй Мин-дэ даже переехала со своими пожитками в Террасу Личунь. Каждый день в пятый час утра она вставала первой и через Сяньсянь вытаскивала меня из постели. Обедали мы вместе, а по вечерам часто засиживались до полуночи. Почти целый месяц я видела А-Хуань лишь утром и вечером, когда навещала мать, а всё остальное время занималась подготовкой вечера.

К счастью, мать очень заинтересовалась моим предложением и без промедления удовлетворяла все наши просьбы о людях и материалах. Если возникали трудности, она сама присылала кого-нибудь из Чертога Чжэньгуань, чтобы всё уладить. Поэтому дела шли как по маслу. В новогодний день я вместе с другими жёнами и матерями чиновников вошла в зал, чтобы совершить положенные поклоны матери как императрице, а затем приветствовать Ли Даня. После этого евнухи зачитали указ, в котором излагались надежды на предстоящую весну и объявлялись награды. Все члены императорского клана получили вдвое больше, чем в прошлые годы, и благодаря своей фамилии я тоже удостоилась щедрого пожалования. Утром я вместе со всеми прошла через положенные сложные ритуалы, а после полудня начался большой пир для сановников и придворных дам. Я тоже присела за стол, но ненадолго — вскоре началось представление.

Несмотря на множество репетиций, я всё равно волновалась, вытянув шею к центру зала.

Как и на многих новогодних концертах из моей прошлой жизни, началось всё с ведущих, которые говорили благопожелания. В итоге выбрали внука Ли Дэ и удельного князя У Саньсы. Ли Дэ, уже почти взрослый юноша, говорил сдержанно и чинно, а У Саньсы сыпал остротами, заставляя мать смеяться. Под его руководством начался первый номер — большой танец,

разделённый на четыре части, каждая из которых прославляла добродетели Гаоцзу, Тайцзуна, предыдущего императора и матери. В первой части изображалось, как Гаоцзу поднял войска в Тайюане и захватил Гуаньчжун, во второй — как Тайцзун покорил Шаньдун и разбил тудзюэсцев, в третьей — как предыдущий император ходил походом на Корею и усмирил туфаньцев, а в четвёртой — как мать прекратила войны, развивала земледелие, и Небо ниспослало обильные урожаи, наполнив амбары. Все события имели исторические основания, без единой выдумки.

Когда этот танец закончился, лица сановников стали весьма выразительными: кто-то молча пил вино, кто-то поднимал тосты, кто-то перешёптывался. Мать восседала на возвышении, и её лицо скрывала подвеска с нефритовыми бусинами, так что разглядеть её выражение было невозможно. Зато Ли Дань в обычном одеянии весело хлопал в ладоши и смеялся прямо на троне.

А-Хуань сидела не рядом со мной. Она улыбнулась мне издали, подозвала служанку и что-то ей сказала. Та, слегка озадаченная, подошла ко мне и прошептала на ухо: «Княгиня Лулин велела передать: пусть госпожа не ест слишком много мёда, а то зубы заболят».

Меня это рассмешило. Я подумала и поманила служанку ближе: «Передай ей: пусть не волнуется. Я не только не ем много мёда, но и вообще ничего сладкого не касаюсь. Сейчас мне так горько, что хоть злись. Попроси её, если будет минутка, сжалиться и прислать мне хоть капельку мёда, а то я сойду с ума, всё о нём думаю, и сама не знаю, на что могу решиться».

Та служанка совсем растерялась, но передала мои слова. А-Хуань лишь бросила на меня взгляд и протянула ей чашу вина, чтобы та отнесла мне: «Княгиня Лулин говорит... говорит: раз госпожа так несчастна, она жалуется тебе... госпоже чашу медового вина. Выпей и заткнись, не болтай вздора».

Я с улыбкой осушила чашу и, убедившись, что представление идёт своим чередом, поднялась, чтобы выйти. Я никого не предупредила, но, едва войдя в боковой зал, увидела, что А-Хуань идёт следом. Я не люблю, когда меня сопровождают в уборную, и она уже привыкла к этому. В просторном помещении, где мы остались вдвоём, я приняла самый бесстыдный вид и, с игривым видом, потянулась к ней: «Откуда такая красавица взялась? Ну-ка, иди ко мне, милая, обнимись».

А-Хуань позволила мне обнять себя, но при этом закатила глаза: «Иногда так и хочется взять иголку с ниткой да зашить тебе рот».

Я рассмеялась ещё громче, чмокнула её в щёку, обняла сзади, прижалась к её плечу и прошептала на ухо: «А какую дырочку, сестрица, зашить собралась — верхнюю или нижнюю?»

Даже А-Хуань, которая знала меня как облупленную, не удержалась и покраснела: «Кто тебя таким похабным словам научил? Если матушка узнает, побоями не отделаешься».

Я давно её не видела, и в сердце, и на языке у меня скопилась тысяча глупостей, которые я жаждала высказать. Глядя на её лицо, покрасневшее от досады, я почувствовала ещё большее желание её дразнить. Я повернулась к ней лицом, уткнулась головой в её грудь и принялась тереться, приговаривая: «Это же ты меня таким словам научила, чего теперь сердишься?»

Она удивилась: «Когда это я тебя учила?»

Я хихикнула: «Мне приснилось, что ты учила». Она рассердилась и хотела ущипнуть меня, но я не смогла увернуться и лишь жалобно сказала: «Сегодня же не только Новый год, но и мой

день рождения. Ты меня даже не пожалеешь, только обижаешь». Год-два назад я бы ни за что не смогла такое произнести, но сейчас эти слова сами слетали с губ, будто я спрашивала у знакомого: «Как поживаешь?» И я не чувствовала ни капли стыда, а только хотела повторять их снова и снова. Впрочем, если подумать, мы с ней делали вещи и куда более стыдные, так что слова — сущие пустяки.

Услышав о дне рождения, А-Хуань смягчилась, ослабила хватку и обняла мою голову. Я прижалась к её груди, вдыхая её аромат, ощущая её тепло и утопая щекой в мягкости. Глаза у меня налились кровью, дыхание стало тяжёлым — я готова была утонуть в её объятиях. Но она несколько раз погладила меня по голове и оттолкнула: «Последний танец — военный для Дугу Шао? Разве не пойдёшь посмотреть?»

Мне пришлось с сожалением оторваться от её груди, ещё раз глубоко вдохнуть её запах и потянуться за её ароматическим мешочком. Но она достала что-то из-за пазухи и швырнула мне: «Подарок я тебе уже вручила. Если потеряешь, когда напьёшься, я не виновата».

Я едва успела поймать предмет, завёрнутый в платок. Развернув, увидела деревянную статуэтку высотой в полфута, изображавшую ребёнка, подносящего цветы Будде. Но этот ребёнок отличался от обычных — он был похож на девочку, держал в руках цветы и наивно-радостно улыбался чему-то. Выражение лица у статуэтки было невероятно живым и до боли знакомым. Присмотревшись, я наконец поняла — да это же я!

Авторское примечание: А-Хуань: «Какая там наивность, просто дурочка».

Тайпин: «...»

<http://bllate.org/book/16278/1467375>